

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

Жизнь в эпоху
социальных экспериментов
и военных испытаний

1917–1922

Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences
University of Illinois (USA)
European University at Saint Petersburg
North-West Branch of the Section
“History of Social Reforms, Movements and Revolutions”
of Scientific Council of Russian Academy of Sciences on Fundamental Issues of Russian and Foreign History
Professorate of Studying the History of the Russian Revolution 1917, EUSP
Joint Stock Company Goznak

THE ERA OF THE RUSSIAN CIVIL WAR

**Life in a Time of Social Experimentation
and Violence
1917–1922**

Proceedings of St. Petersburg International Colloquium
June 10–13, 2019

Saint Petersburg
Nestor-Historia
2020

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Иллинойский университет (США)
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Северо-Западное отделение Секции
«История социальных реформ, движений и революций»
Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
Профессура по изучению Российской революции ЕУСПб
Акционерное общество «Гознак»

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

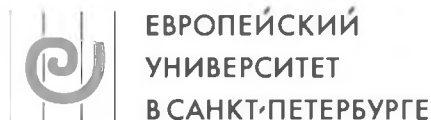
**Жизнь в эпоху социальных экспериментов
и военных испытаний
1917–1922**

Материалы международного коллоквиума
Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.

Санкт-Петербург
Нестор-История
2020

УДК 93/94
ББК 63.3(2)61
Г75

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Издание осуществлено при поддержке Акционерного общества «Гознак»
и Европейского университета в Санкт-Петербурге

Редакционная коллегия:

Т. А. Абросимова, Б. Б. Дубенцов, Б. И. Колоницкий,
Н. В. Михайлов (ответственный редактор), А. И. Рупасов, Н. Н. Смирнов,
М. Стейнберг (ответственный редактор), К. А. Тарасов, В. Ю. Черняев, А. Н. Чистиков

Г75 Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.). — СПб.: Нестор-История, 2020. — 656 с.

ISBN 978-5-4469-1699-3

В книге представлены материалы XI Санкт-Петербургского международного colloquium по русской истории, который ставил целью найти новые подходы в изучении человека и общества эпохи Гражданской войны. Исследование хода военных действий не предполагалось, в центре внимания находился человек, оказавшийся в сложной ситуации политических потрясений, социальных экспериментов, военных испытаний, террора и насилия, его повседневная жизнь, страхи и эмоции, стратегии и практики выживания. Наряду с докладами публикуются выступления в дискуссиях. Издание рассчитано на специалистов и всех интересующихся русской историей.

The volume presents proceedings of the XI St. Petersburg International Colloquium in Russian History, which aimed to find new approaches to the study of individual and society during the Civil War. The study of military operations was not intended, the focus was on a person who found himself in a difficult situation of political upheaval, social experiments, military trials, terror and violence, his daily life, fears and emotions, strategies and practices of survival. Along with the reports, speeches in the discussion are published. The book is intended for specialists as well as anyone else interested in Russian History.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-4469-1699-3

9 785446 916993

© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2020
© Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	9
-------------------	---

Секция I

Организация повседневной жизни и самоуправления в условиях Гражданской войны

<i>Александр Рабинович.</i> Петербургский комитет большевиков в годы Гражданской войны.	13
<i>П. А. Васильев.</i> Пробуя на ощупь границы утопии: эмоции, право и повседневная жизнь в революционной России.	39
<i>Дакота Ирвин.</i> Городская жизнь после «советского эксперимента»: наследие большевистской власти и местное самоуправление в Екатеринбурге.	53
<i>Дирдре Рушитти Харшман.</i> Советский городской быт: районные советы и управление повседневной жизнью в Москве, 1918–1923 гг.	67
<i>А. А. Бимолданова.</i> Казахские волостные управители Степного края в условиях социального эксперимента 1917–1920 гг.: практики адаптации и выживания.	77
Дискуссия.	89
В. В. Калашников (89), Д. Коенкер (93), В. Б. Аксенов (97), Т. А. Абросимова (98), В. П. Булдаков (99), Н. В. Михайлов (100), М. Стейнберг (100), В. И. Шишкин (101), Н. Наганова (102), С. М. Исхаков (102), У. Г. Розенберг (103), Н. Н. Смирнов (103), А. Рабинович (104), П. А. Васильев (105), Д. Ирвин (106), Д. Харшман (107), А. А. Бимолданова (107)	

Секция II

«Жизнь в катастрофе»: повседневность и стратегии выживания

<i>Вера Каплан.</i> «Мы надолго расстались с Петроградом и предпочитаем жить там, где над Кремлем не развевается красного флага».	109
<i>М. А. Витухновская-Кауппала.</i> Карелы Северо-Запада России в Гражданской войне: поиск стратегий выживания.	126

<i>В. Г. Вовина-Лебедева.</i> Способы выживания академического сообщества в годы Гражданской войны: по материалам переписки академика А. А. Шахматова	141
<i>Юэсинь Рейчел Линь.</i> Платить за ненависть добротой: китайско-российский кризис беженства 1916–1922 гг.	156
Дискуссия	171
А. Б. Ретиш (171), А. Н. Чистиков (174), А. В. Ганин (175), Я. А. Голубинов (178), О. А. Махмудов (179), В. П. Булдаков (179), Х. Мурав (180), Е. Ю. Дубровская (180), А. Билалутдинов (182), К. А. Тарасов (182), У. Г. Розенберг (182), Н. Н. Смирнов (183), В. И. Шишкин (185), Б. С. Каганович (185), В. Каплан (186), М. Витухновская-Каушпала (188), В. П. Булдаков (189), М. Витухновская-Каушпала (189), В. Г. Вовина-Лебедева (189), Ю. Р. Линь (191)	

Секция III

Церковь и политическая культура

<i>П. Г. Рогозный.</i> Гражданская война и иконы	193
<i>Скотт М. Кенворти.</i> Патриарх Тихон и первоиерархи Православной Российской Церкви в годы Гражданской войны	208
<i>Элизабет Вуд.</i> Гендер и воображение в период Гражданской войны в России: отсталые женщины и передовые мужчины в иконографической перспективе, 1917–1922 гг.	223
<i>Шейла Фицпатрик.</i> Н. К. Крупская и народное просвещение: новый подход к В. И. Ленину	238
Дискуссия	254
Б. И. Колоницкий (254), Д. Орловски (256), В. Б. Аксенов (259), В. В. Ведерников (260), В. П. Булдаков (261), А. В. Резник (262), О. С. Поршнева (263), Э. Вуд (263), С. Кенворти (263), Я. В. Голубинов (264), С. Б. Ульянова (264), У. Г. Розенберг (264), Н. Н. Смирнов (265), П. П. Котляр (265), О. М. Морозова (266), П. Г. Рогозный (267), С. Кенворти (268), Э. Вуд (269), Ш. Фицпатрик (269)	

Секция IV

Человек эпохи Гражданской войны

<i>А. В. Ганин.</i> Командармы-изменники: коллективный портрет представителей высшего командного состава РККА, изменивших советской власти в период Гражданской войны в России, 1917–1922 гг.	271
<i>А. С. Горный.</i> От «поповичей» до студентов: коллективная биография деятелей белорусского национального движения времен Гражданской войны.	296
<i>К. К. Раджабов.</i> Мадаминбек и Шермухаммадбек курбаши — вожди повстанческого движения в Ферганской долине	304
<i>В. П. Булдаков.</i> Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918–1920 гг.)	321

<i>В. Б. Аксенов.</i> От «революционного психоза» к «контрреволюционному комплексу»: психоэмоциональная динамика российского общества в статистике, диагнозах и оценках обывателей в годы революций и Гражданской войны.....	337
Дискуссия.....	357
Б. Б. Дубенцов (357), М. Фрейм (362), М. В. Ходяков (364), Д. Суэйн (364), Н. Наганава (364), В. Ф. Солдатенко (365), М. Стейнберг (369), О. М. Морозова (370), М. Е. Разиньков (372), Л. А. Юзefович (372), С. М. Исхаков (373), М. Витухновская-Каушпала (374), Б. И. Колоницкий (374), А. В. Ганин (375), А. С. Горный (376), К. К. Раджабов (377), В. П. Булдаков (378), В. Б. Аксенов (379)	

Секция V

Политические режимы и национальные движения на постимперском пространстве

<i>В. Ф. Солдатенко.</i> Режим атаманщины в Украинской Народной Республике (1919–1920 гг.).....	381
<i>В. И. Шишкин.</i> Власть и население партизанских районов Сибири во время Гражданской войны.....	394
<i>В. Ж. Цветков.</i> Особенности отношения южнорусского крестьянства к реализации аграрной политики денкинского правительства в 1918–1920 гг.....	410
<i>Норихиро Наганава.</i> Гражданская война как цивилизаторская миссия: роль татарских политработников Красной армии в Туркестане.....	417
<i>Александр Коробейников.</i> География советских национальностей в Сибири: горизонтальные связи и транскультурное взаимодействие в контексте формирования Якутской Автономной Советской Социалистической Республики.....	436
<i>О. А. Махмудов.</i> На «окраине» бывшей империи: революционные события, формирование и эволюция органов власти и Гражданская война на Памире (по архивным материалам).....	451
Дискуссия.....	465
А. В. Резник (465), А. И. Рупасов (468), У. Г. Розенберг (469), В. П. Булдаков (470), В. В. Калашников (471), К. А. Тарасов (472), Л. А. Булгакова (472), Б. И. Колоницкий (474), Н. Н. Смирнов (475), С. М. Исхаков (476), В. Ф. Солдатенко (477), В. И. Шишкин (482), В. Ж. Цветков (484), Н. Наганава (485), А. Коробейников (486), О. А. Махмудов (487)	

Секция VI

Насилие и политический террор

<i>О. С. Поршневa.</i> Практики насилия в воспоминаниях рабочих — участников Гражданской войны на Урале.....	489
--	-----

<i>Харриет Мурав</i> . Некрополитика и художественная литература в эпоху Гражданской войны в России	506
<i>И. С. Ратьковский</i> . Белый концлагерь: жизнь заключенного Гражданской войны в России	523
<i>О. М. Морозова</i> . Женская жестокость времен Гражданской войны в свете мифов и документов	533
Дискуссия	546
Ш. Фицпатрик (546), А. В. Посадский (548), В. Каплан (551), Б. И. Коло- ницкий (552), В. Б. Аксенов (553), В. П. Булдаков (555), Д. И. Иванов (556), В. Ф. Солдатенко (557), В. В. Лапин (561), О. С. Поршнева (561), Х. Мурав (563), И. С. Ратьковский (564), О. М. Морозова (565)	

Секция VII

Историография и историческая память

<i>К. М. Александров</i> . Профессор Николай Николаевич Головин и его сотрудники о социальном поведении в годы Гражданской войны: концептуальные тезисы	568
<i>П. Ю. Мажара</i> . Вспоминая повседневность войны (по материалам устных рассказов нижних чинов Северо-Западной армии белых, записанных писателем Л. Ф. Зуровым)	583
<i>Я. А. Голубинов</i> . Гражданская война как место и практики памяти в 1920–2010-е гг.: случай Самары	595
<i>К. В. Годунов</i> . Празднования годовщин революционного Октября в эпоху Гражданской войны: эмоции, сакральность, власть	610
Дискуссия	624
Д. Суэйн (624), В. Ю. Черняев (626), У. Г. Розенберг (629), Н. Н. Смир- нов (631), А. В. Ганин (632), Б. Б. Дубенцов (634), И. С. Ратьковский (635), Е. Л. Варустина (636), А. В. Резник (640), В. С. Измозик (641), О. С. Порш- нева (641), К. М. Александров (642), П. Ю. Мажара (647), Я. А. Голубинов (648), К. В. Годунов (649), М. Стейнберг (649)	
Сведения об авторах и участниках коллоквиума	651

ПРЕДИСЛОВИЕ

Санкт-Петербургский международный colloquium хорошо известен специалистам по русской истории второй половины XIX — XX в. Он регулярно проводится уже на протяжении трех десятилетий и вызывает неподдельный интерес как у российских, так и зарубежных историков¹.

От многих других международных форумов Санкт-Петербургский colloquium отличается оригинальная форма организации. С самого первого colloquiuma 1990 г. было принято представлять тексты докладов заранее. Вначале их тиражировали на ксероксе, а в последние два десятилетия участники colloquiuma заблаговременно получали тексты докладов в виде препринта, а также имели возможность ознакомиться с ними в электронном виде на сайте организатора. Это избавляло докладчиков от необходимости зачитывать тексты, ограничиваясь их кратким представлением, а основное время уделялось не оглашению, а обсуждению докладов. Эта особенность Санкт-Петербургского colloquiuma нашла отражение и в публикациях его материалов. С самого начала наряду с докладами публикуются и материалы обсуждения, которые позволяют читателю окупиться в атмосферу научной полемики².

В этой книге публикуются материалы XI Международного colloquiuma «Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922», состоявшегося в Санкт-Петербурге 10–13 июня 2019 г. Организаторами colloquiuma выступили Санкт-Петербургский

¹ Подробнее об истории Санкт-Петербургского международного colloquiuma см.: *Смирнов Н. Н., Потолов С. И.* Двадцать лет сотрудничества // Человек и личность в истории России, конец XIX — XX в.: Материалы международного colloquiuma (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.) / отв. ред. Н. В. Михайлов, Й. Хельбек. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 25–38; *Mikhaylov N. V., Rosenberg W. G., Smirnov N. N.* Twenty Five Years of Scholarly Collaboration: the International Russian History Colloquium of the St. Petersburg Institute of History, RAS // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2014. № 1. С. 268–287.

² Полный перечень публикаций материалов Санкт-Петербургского colloquiuma за 1992–2014 гг. см.: Эпоха войн и революций: 1914–1922: Материалы международного colloquiuma (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 г.) / отв. ред. Б. И. Колоницкий, Д. Орловски. СПб.: Нестор-История, 2017. Примеч. 1. С. 7.

институт истории Российской академии наук, Иллинойский университет (США), Европейский университет в Санкт-Петербурге, Северо-Западное отделение Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории. Проведение коллоквиума стало возможным благодаря поддержке АО «Гознак» и Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Сопредседателями международного организационного комитета были М. Стейнберг (Иллинойский университет, США) и Н.В. Михайлов (Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук).

Оргкомитет рассмотрел 103 заявки, в программу коллоквиума было включено 32 доклада, официально зарегистрировано более 100 участников. В коллоквиуме приняли участие 25 зарубежных историков, в том числе из США, Австралии, Австрии, Великобритании, Венгрии, Израиля и Японии. Впервые на коллоквиуме были так широко представлены историки ближнего зарубежья: из Республики Беларусь, Казахстана, Узбекистана и Украины.

Организаторы коллоквиума ставили целью найти новые подходы в изучении человека и общества эпохи Гражданской войны. Коллоквиум не предполагал исследования хода военных действий, в центре внимания находился человек, оказавшийся в сложной ситуации политических потрясений, социальных экспериментов, военных испытаний, террора и насилия, его повседневная жизнь, страхи и эмоции, стратегии и практики выживания. Не были обойдены вниманием проблемы гендера, историографии и исторической памяти. Доминирование антропологического подхода не исключало исследования политических институтов и организаций, как красных, так и белых, которые генерировали идеи, задавали определенные, часто очень жесткие, рамки поведения рядового гражданина, ставили его перед проблемой выбора и создавали механизмы проведения в жизнь определенных идеологий и социальных практик.

Публикуемые доклады отличает не только новизна и оригинальность теоретических подходов, но и их наполнение новым конкретно-историческим материалом, как введение в научный оборот неизвестных ранее источников, так и привлечение редко используемых историками источников, с которыми чаще имеют дело социологи, литературоведы, искусствоведы, правоведы, специалисты по психиатрии и другие представители гуманитарного знания. Междисциплинарный подход вызвал интерес участников обсуждения и способствовал плодотворной дискуссии.

Коллоквиум продолжался 4 дня в конференц-зале Европейского университета в Санкт-Петербурге. В ходе научной дискуссии прозвучало 116 выступлений.

И доклады, и дискуссия обнаружили как различные подходы, так и точки соприкосновения. Участники обсуждения согласились с тем, что Гражданская война в России — очень сложный исторический феномен, для которого характерна многоплановая и многоуровневая динамичная картина, отличающаяся крайним разнообразием социальных, культурных и политических процессов

на постимперском пространстве. В ходе дискуссии выявилось различное отношение к концепции Великой российской революции 1917 г. и к периодизации Гражданской войны. Однако отмечалось, что многие из участников Гражданской войны, особенно те, кто выступил в роли «атаманов», «вождей» и «вожак», в политическом отношении являлись продуктом 1917 г.

Обсуждение показало, что дальнейшее изучение Гражданской войны требует исследования как общих черт, так и территориальной специфики, а также учета международного контекста. Подчеркивалась важность разработки вопроса о разных формах участия в Гражданской войне, основанных на социально-классовых, этнических, религиозных и гендерных идентичностях, учете культурных и традиционных практик, транснациональной динамики и транскультурной перспективы. Явно недостаточным, отмечалось в выступлениях, было внимание к опыту женщин и месту гендера (в том числе и мужественности) в истории и особенно в отношении к пережитому человеком опыту Гражданской войны в России.

Насилие и отношение к насилию были сквозными темами, к которым постоянно возвращались участники дискуссии. Подчеркивалось, что проблема легитимации насилия имеет особое значение для понимания гражданских войн, поскольку, в отличие от «нормальных» ситуаций истории, в этот период как никогда актуальным становился вопрос о том, кто являлся властью и кто мог использовать насилие.

Хотя большинство участников полемики подвергло критике тезис о классовом характере конфликта в том понимании, которое вкладывала в него советская историография, отмечалось, что в ходе Гражданской войны доминировал язык класса, подчеркивалось, что дискурс класса, соответствующая риторика и символика создавали для красных более благоприятную идеологическую ситуацию, которая способствовала их победе в Гражданской войне. Дискуссия показала, что проблема «перевода» политического, религиозного и других языков как никогда актуальна, так же как и изучение языка коммуникации с властными инстанциями, репрезентации образов «своего» и «чужого».

Представленные доклады задали очень широкие географические рамки, что привлекло внимание участников дискуссии к проблеме распада и «сборки» на постимперском пространстве в годы революции и Гражданской войны. Большое внимание было уделено национальным движениям, однако отмечалось, что одной национальной перспективы в изучении Гражданской войны недостаточно. Подвергся критике классический постколониальный нарратив, объясняющий воссоединение отпавших в результате национальных движений территорий исключительно их силовым захватом Красной армией. Подчеркивалось, что такой подход не отражает всей полноты картины. В частности, отмечалось, что мобилизация по признаку национальной идентичности могла иметь целью не выход из состава государства, а являлась стратегией самосохранения в условиях ослабления центральной власти. В процессе «сборки» распавшегося постимперского пространства значение имели не только насилие, но и диалог,

транскультурное взаимодействие и продвигавшиеся большевиками социальные модели и практики, касавшиеся в том числе и национальных отношений.

Тем, кого интересуют материалы обсуждения, полезно будет узнать, что во всех секциях соблюдалась одинаковая очередность выступлений. Первые два — выступления комментаторов, одного российского и одного иностранного, которым оргкомитет доверил открытие дискуссии. Затем слово предоставлялось всем желающим, завершали дискуссию докладчики, имевшие возможность ответить на вопросы и подвести итоги дискуссии.

Магнитофонная запись и расшифровка дискуссии выполнена К. А. Тарасовым. В процессе подготовки издания авторы докладов имели возможность их доработать, а участники дискуссии — проверить тексты своих выступлений. Дискуссия публикуется с незначительными сокращениями: опущены приветствия, выражения благодарности, организационные и информационные сообщения.

Оргкомитет выражает признательность администрации Санкт-Петербургского института истории РАН и Европейского университета в Санкт-Петербурге за помощь в подготовке коллоквиума. Слова особой благодарности оргкомитет адресует председателям секционных заседаний Т. А. Абросимовой, Д. Кюенкер, Д. Орловски, У. Г. Розенбергу, Н. Н. Смирнову, М. Стейнбергу и А. Н. Чистикову, которые смогли организовать плодотворную дискуссию.

Оргкомитет выражает благодарность сотрудникам Европейского университета в Санкт-Петербурге: ассистенту факультета истории С. Ш. Мамедли за большой вклад в работу по организации и проведению коллоквиума, а также администратору Центра изучения культурной памяти и символической политики А. Б. Матисовой за усилия по подготовке настоящего издания.

Проведение коллоквиума и издание этой книги было бы невозможно без неоценимой помощи почетного профессора Мичиганского университета, ассоциированного научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН У. Г. Розенберга, чье постоянное внимание и поддержку члены оргкомитета ощущали на всем протяжении подготовки и проведения Санкт-Петербургского международного коллоквиума, который стал еще одним важным шагом в реализации долгосрочного проекта международного научного сотрудничества.

Секция III

Церковь и политическая культура

П. Г. Rogozный

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИКОНЫ¹

Летом 1918 г. группа красноармейцев под командованием бывшего царского офицера, члена партии большевиков, Валентина Несмелова для поимки другого офицера нагрянула в Раифский монастырь под Казанью. Согласно церковным данным, группа красноармейцев начала кощунствовать над иконами, из них якобы выдирали драгоценности. Согласно другой версии, красноармейцы вели себя корректно, но монахи все равно ударили в набат. Сбежавшиеся крестьяне устроили самосуд, все красноармейцы были убиты. Погибший командир красноармейцев был родным сыном крупнейшего в Казани, а может быть во всей России, оригинального богослова, проф. В. И. Несмелова (1863–1937)². В советское время Несмелов-младший стал героем, ему посвятили повесть³, его именем назвали улицу в Казани, на месте его гибели воздвигли обелиск. Подвергшийся аресту как «явный контрреволюционер» его отец профессор-богослов и до конца свой жизни не поменял своих взглядов. Так Гражданская война и иконы разделили отца и сына.

О том, что пройдет немного времени и иконы запылают по всей России, тогда никто не думал⁴.

¹ Любая работа начинается с историографии. Книги и статьи, где упоминается судьба икон в период Гражданской войны, есть, и они указаны в тексте статьи, но специального исследования гонений на иконы периода революции и Гражданской войны нет.

² Виктор Иванович Несмелов умер своей смертью, догадки, что он не был расстрелян из-за своего сына, не имеют под собой никаких оснований.

³ *Евгеньев П. К.* Обелиск в Раифе. Казань, 1969. Написанная неплохо документальная повесть стала местным бестселлером. То, что ее главный герой Несмелов был сыном профессора духовной академии, автор не скрывает (с. 11). Вообще автор повести хорошо знает реалии первого года Гражданской войны. Реликтом хрущевской эпохи атеизма в повести можно рассматривать описание, как монах под «хмельком» заливает воду в резервуар для слез чудотворной иконы (с. 126–127). Относительно новая книга: *Журавский Александр.* Трагедия в Раифском монастыре. Казань, 1994.

В 1924 г. во время крестного хода для встречи иконы Грузинской Божьей Матери из Раифского монастыря были избиты два милиционера и убит «агент уголовного розыска». См.: *Маторин Н.* Религия у народов волжско-камского края. М., 1930. С. 124.

⁴ Воровство икон было распространено в России и продолжалось в эпоху революции. Самый известный случай произошел в 1904 г., когда была похищена и сожжена чудотворная

23 января 1918 г. в прессе был опубликован декрет Совета народных комиссаров «О свободе совести». Уже при второй публикации он получил другое название «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁵. Так или иначе, этот декрет затрагивал фактически все население бывшей Российской империи. Он был декларативен, и как его проводить в жизнь на местах, часто не понимали. В самом декрете об иконах ничего не говорилось, но 28 августа 1918 г. Народный комиссариат юстиции выпустил постановление «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁶. Постановление, или инструкция, как его именовали, более подробно объясняло механизм проведения декрета. Подробно разъяснялась передача церковного имущества советам и от них обратно «местным жителям соответствующей религии». Таковых, согласно инструкции, должно было быть не менее 20 человек. Именно отсюда появляется известное в церковной среде слово «двадцатка».

В инструкции четко разъяснялось, что «не предназначенные для богослужбных целей имущества церковных и религиозных обществ, а также бывших вероисповедных ведомств, как то: дома, земли, угодья, фабрики, свечные и другие заводы, рыбные промыслы, подворья, гостиницы, капиталы и все вообще доходные имущества, в чем бы они ни заключались <...> незамедлительно отбираются от означенных обществ и бывших ведомств»⁷. Это был серьезный удар по экономической стороне жизни Церкви: если в декрете была размытая формула о том, что они объявляются «народным достоянием», то теперь — власть попросту отбирала в свою пользу имущество Церкви.

В инструкции содержался пункт «О религиозных церемониях и обрядах», относительно которых говорилось, что «в государственных и в иных публично-правовых общественных помещениях безусловно не допускается совершение религиозных обрядов и церемоний (молебнов, панихид и проч.), помещение каких-либо религиозных изображений (икон, статуй религиозного характера и проч.)»⁸. Этот пункт, отсутствовавший в декрете, и вызвал наибольшее со-

икона Казанской Божьей Матери. В 1917 г., согласно докладу архимандрита Матфея на Поместном соборе, крестьяне похитили из монастыря образ Озерянской Божьей Матери и «объявили его своей собственностью» (Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Вторая сессия. М., 2001. С. 448). Тут видна сплошная корысть, но крестьяне, похитившие икону, сказали бы и о повышенном благочестии. В случае сжигания иконы данный мотив отсутствует. Вообще спор о принадлежности иконы, особенно чудотворной, в царской России мог быть долгим. См.: *Платонов Е. В.* Почитаемые родники и приходские конфликты в России второй половины XIX в. // Петербургский исторический журнал. 2018. №3. С. 43.

⁵ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 373–374.

⁶ Постановление НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция), 24 августа 1918 г. // К истории отделения церкви от государства и школы от церкви в СССР. Документы и материалы // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. V. М., 1958. С. 11.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Там же. С. 16.

противление верующих. Удивительно, что историки, писавшие о декрете, просто прошли мимо этого факта и его последствий.

Согласно инструкции иконы должны были быть вынесены также из учебных заведений, с заводов и фабрик. Проведение этой меры часто вызывало большое негодование и, по-видимому, мало исполнялось, особенно в первое время. Попытки выноса икон из общественных учреждений предпринимались и до издания данной инструкции, если верить докладу священника Лахостского, сделанному на Поместном соборе⁹. Действительно, изымать иконы из общественных мест стали еще раньше. Так, железнодорожники Липецка просили В. И. Ленина вернуть иконы на вокзалы еще до опубликования инструкции об изъятии икон¹⁰.

После появления инструкции эта мера получила юридическое обоснование, хотя встречала сопротивление даже в рабочей среде. Так, когда на Шуйской фабрике по инициативе местных большевиков в 1919 г. в цеху были сняты иконы, это вызвало настоящие волнения среди рабочих, которые прекратили работу и потребовали «повесить таковые на прежние места». Фабрика забастовала! Коммунисту Языкову, проводившему эту акцию, пришлось каяться в том, что он приступил к исполнению «неумело и без разрешения Исполкома и партии, а действовал лично от себя, а потому он один во всем и повинен и просит о наказании его, если он заслуживает»¹¹. Если уж самый «революционный» класс так реагировал на антирелигиозные акции, то что тогда говорить о крестьянстве!

⁹ Говоря «о гонениях на иконы», Лахостский приводил следующие данные: в Москве учитель Каретнорядского училища приказал вынести иконы из школы, а в Петрограде приказали удалить иконы из дома Ремесленной управы (Деяния Священного Собора Российской Церкви. М., 1994. Т. IV. С. 11). Видимо, первые попытки выноса икон с «монархическими надписями» предпринимались сразу после Февральской революции: в архиве Синода сохранилось дело об иконах в Архангельской губернии, однако из самого дела неясно, вынесены ли были иконы из храма и что за «монархические надписи» были на них. См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 204. Д. 987. Л.1 — 1 об. Член кадетской партии А. В. Тыркова записывает в свой дневник 19 июля 1917 г., видимо, передавая разговоры внутри партии: «Выносятся иконы из присутственных мест. Закон Божий упраздняет». См.: Наследие Андрианы Владимировны Тырковой. Дневники. Письма. М., 2012. С. 202.

¹⁰ Ходагайство служащих ст. Липецк Юго-Восточной железной дороги председателю СНК РСФСР В. И. Ленину о возвращении икон и разрешении богослужения в помещениях железнодорожных вокзалов. 13 апреля 1918 г. // Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России, октябрь 1917 — 1918 г.: Сб. документов. М., 2016. С. 578. Резолюция Ленина «По- моему, на вокзалах нельзя». (Там же). Видимо, впоследствии в некоторых епархиях для охраны вокзальных икон была создана особая должность («Приспело время подвига...»: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь. М., 2012. С. 393).

¹¹ Государственный архив Ивановской области (ГА ИО). Ф. Р-708. Оп. 1. Д. 35а. Л. 7 — 7 об. Благодарю за предоставленную выписку из архивного дела Н. В. Михайлова. «В каждом цехе или мастерской находилась своя икона, перед которой горела неугасимая лампада. Поддержание огня возлагалось на специально назначенного рабочего...» (*Грабко М. Е.*

Еще более показательный случай произошел в Тульской губернии. Там на праздновании Первомая руководитель местной партийной организации попытался представить себя «демократом», сказав, что «всякий гражданин, заметивший неправильность в действиях кого бы то из членов Совета, как сельского, так и волостного» может подавать письменные заявления «на неправильность действий». Один из присутствующих спросил, можно ли подавать заявление словесно, «и, получив утвердительный ответ, возбудил вопрос о внесении икон в здание Исполкома, чем зажег среди присутствующих волнения на религиозной почве». После этого участники празднования заставили членов коммунистической ячейки внести и повесить иконы в помещении Волисполкома. Председатель «волостной коммунистической партии» Бузанов сообщал, что «после того как иконы были повешены, то присутствующие силой заставили всех снять шапки, и были угрозы, что каждый, кто коснется икон, будет повешен»¹².

Исполнявшие приказы толпы большевики понимали, что эти угрозы вовсе не шуточны, за полгода до этого эпизода в городе Новосиль в той же Тульской губернии произошло, по интерпретации властей, «восстание на религиозной почве», спровоцированное арестом местного священника, тогда были избиты местные коммунисты и разогнан Волостной совет, причем восставшие «внесли туда икону, удаленную по декрету Совнаркома, и поставили на старое место»¹³.

В Новгородской губернии попытка вынести икону из здания местного совета вообще окончилась кровопролитием. По сообщению представителя Наркомата юстиции, бывшего священника Михаила Галкина¹⁴, прибывший из столицы в Любинскую волость «инструктор» Наркомата юстиции потребовал удаления иконы из помещения местного совета, однако председатель совета, ссылаясь на свои религиозные чувства, это сделать отказался. Тогда «инструктор-коммунист» лично вынес икону. «Это создало, — как отмечал Галкин, — громадное волнение среди местных крестьян»¹⁵. Волость была самым «инструктором» объявлена на военном положении, что только ухудшило обстановку. Из Старой Руссы были вызваны красноармейцы, которые произвели «в толпу крестьян залп». Председатель местной ЧК Воронов считал, что данный «инцидент вызван нетактичным поведением инструктора, позволявшего себе, не зная местных условий и настроение фанатиков-крестьян, глумление

Деятельность Русской Православной Церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX начале XX в. М., 2017. С. 91).

¹² Акт о внесении икон в здание Сорочинского волисполкома Крапивенского уезда Тульской губернии 19 мая 1919 г. // Русская Православная Церковь в Тульской области. 1918–1991. Тверь, 2012. С. 27–29.

¹³ В Новосильский уездный комитет РКП(Б), 14 января 1919г. // Там же. С 18.

¹⁴ О Михаиле Галкине и его деятельности см.: *Рогозный П. Г.* Духовенство против Церкви в 1917–1918 гг. (Церковный большевизм и церковные большевики) // Эпоха войн и революций, 1914–1920: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 г.) / отв. ред. Б. И. Колоницкий, Д. Орловски. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 375–391.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 353. Оп. 2. Д. 696. Л. 21.

над их религиозными чувствами. До этого инцидента волость считалась одной из самых спокойных и благожелательно настроенных к Советской власти»¹⁶.

В Симбирской губернии на почве выноса икон из зданий школ даже произошел антисоветский мятеж. Причем главным лозунгом восставших был — «Бей коммунистов и учителей»¹⁷. На вопрос, почему вы в школе шумите, а дома ведете себя тихо, один из учеников Саранского уезда ответил: «Здесь можно, икон нет»¹⁸. Очевидно, что вынос икон из школ начался сразу после опубликования декрета. Офицер французской армии, находившийся в России с дипломатической миссией, Пьер Паскаль, записал в своем дневнике случай, связанный с появлением в одной из школ директрисы, поддерживавшей новую власть: «Осматривая классы, распорядилась: Надо убрать эти предметы культа (указывая на иконы). Скрепя сердце, подчинились». Кроме этого, по словам Паскаля, учительница намеревалась воспрепятствовать поклонению иконе Иверской Богородицы, которую должны были доставить в школу. «Узнав об этом, комитет служащих решил убить учительницу, если она будет мешать доступу к Иверской Богородице. Служащие-большевики внесли Богородицу на плечах»¹⁹.

По словам того же Галкина, когда съезду учителей в Старой Руссе предложили «озаботиться изгнанием из школьных помещений предметов религиозного культа, съезд попросил не обострять отношения между учащими и родителями учеников»²⁰. По мнению учителей, этим должны заниматься волостные советы. Впрочем, как отмечал Галкин, на местах в сельской местности такие акции, как удаление икон, встречают «противодействия крестьянства»²¹. Галкин как бывший священник не мог не понимать роль икон в народной религиозности.

Вынос икон из зданий фабрик и заводов, общественных присутствий, школ и т. п. был очень болезненным вопросом; часто, как на Шуйской фабрике или

¹⁶ Там же.

¹⁷ Крестьянство и казачество в России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект. М., Саранск, 2017. С. 974. Вообще обвинение учителей в выносе икон было распространено в крестьянской среде. Об атеизме и религиозности учащихся см.: *Балашов Е. М.* Школа в российском обществе 1917–1927 гг. Становление «нового человека». СПб., 2003. С. 143–151.

¹⁸ Цит. по: *Козлов Федор.* Государственно-церковные отношения в 1917 — начале 1940-х гг. в национальных регионах СССР (На примере республики Марий Эл, Мордовии и Чувашии). М., 2017. С. 69. Вообще вынос икон из школ можно было рассматривать как оскорбление чувств верующих, об этом на VIII съезде РКП(б) говорил один из самых яростных атеистов П. А. Красиков (Доклад П. А. Красикова // Конфессиональная политика Советского государства 1917–1924. М., 2018. Т. 1. Кн. 1. С. 127).

¹⁹ *Паскаль Пьер.* Русский дневник, 1916–1918. Екатеринбург, 2014. С. 462. Запись от 8 апреля 1918 г. В последних цитируемых строках Паскаль, очевидно, имел в виду внесение в школу иконы Иверской Богородицы.

²⁰ ГА РФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 696. Л. 21.

²¹ Там же.

в Тульской губернии, это вызывало бурю негодования, и большевики вынуждены были разъяснять свои цели публично. Это было связано с тем, что слухи об иконах быстро распространялись и принимали удивительные формы, даже ходил слух, что вообще все иконы отнимут. «Нет более гнусной и подлой лжи, чем эта, — сообщалось в листовке петроградских большевиков. — Да и кому придет такая нелепая мысль — отбирать иконы. Кому, кроме верующих, нужны иконы? Разве накормить ими голодных или перелить в пушки?»²²

Однако такие разъяснения, видимо, не сильно помогали делу. Распространялись и слухи, что после изъятий икон начинаются повальные эпидемии тифа. Так, игумен Шатской пустыни просил Ленина возвратить из-под «ареста» (так. — *П.Р.*) чудотворную икону Казанской Божьей Матери²³. Игумен сообщал, что икона изъята согласно декрету 23 января, о котором он, «чистосердечно признаюсь, не знал»²⁴. Интересен язык самого письма Ленину. Игумен называет изъятие иконы «арестом» и признает, что он вообще не знал о знаменитом большевистском декрете, что в условиях 1918 г. кажется вероятным. Эта история имела трагическое продолжение. Согласно свидетельству бывшего народного комиссара, левого эсера Штейнберга, местные крестьяне сами пошли выручать арестованную икону, власти открыли пулеметный огонь²⁵. Вообще тогда любое покушение на икону тщательно фиксировалось²⁶.

Похожий случай произошел 23 ноября 1918 г. в Грылевской волости Осташковского уезда. Когда икону сняли в местном исполкоме и поместили в арестантскую комнату, начались крестьянские волнения, тогда председатель вынужден был икону вернуть, а советские плакаты убрать²⁷. Вообще икона

²² Листовки петроградских большевиков. Л., 1967. С. 160. Другой вариант этого слуха: домовые иконы будут облагать «особой податью». А. А. Ухтомский — В. А. Платоновой, 17 октября 1918 г. // Ухтомский А. А. Память сердца. Письма к Платоновой. СПб., 2017. С. 144.

²³ Прошение игумена Шатской Успенской Вышинской пустыни Августина (Щеглова) председателю СНК РСФСР В. И. Ленину о возврате чудотворной иконы Казанской Божьей Матери и снятии контрибуции с обители, 9 октября 1918 г. // Отделение Церкви от государства и школы от церкви в Советской России. С. 588.

²⁴ Там же.

²⁵ Штейнберг И. З. Нравственный лик революции, 1917–1919. М., 2017. С. 87–88.

²⁶ См.: Агеев Евгений, священник. Православная Церковь на Среднем Дону в соборный и послесоборный периоды, 1917–1930 гг. М., 2019. С. 94. То, что красноармейцы прострелили икону, было доложено местным священником отдельно. Историки имеют хорошо задокументированный комплекс материалов о покушении на фреску в средневековой Флоренции: Коннел Дж. Констебл Джэйлс. Святотатство и воздаяние в ренессансной Флоренции. Дело Антонио Ринальдески. М., 2010. Антонио Ринальдески проигрался в карты и в порыве бешенства бросил в изображенную на церкви фреску Богоматери конским навозом. Святотатству Ринальдески нашлись очевидцы, и вскоре его поймали. После покаяния в своем действе, он был повешен рядом с изображением, которое осквернил. Чудо Богоматери было усмотрено в том, что Ринальдески не смог покончить жизнь самоубийством и умереть нераскаянным.

²⁷ Соколов К. И. Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в Тверской губернии в конце 1917 — 1922 г. М., 2017. С. 52.

считалось личностью, ее можно подкормить²⁸, ее можно арестовать. За нее можно получить выкуп. Риза на иконе могла рассматриваться как одежда²⁹. Стоящие дома иконы могли по каким-либо причинам «разодраться»³⁰.

Трагический случай произошел в городе Трубчевске Брянской губернии, где уездный комиссар Раков «призвал» к себе икону Божьей матери и во время молебна выстрелил в икону, а потом стал ее топтать ногами. В результате этих действий комиссар был убит местными крестьянами, которые с участием жителей окрестных сел устроили на этой почве целое восстание³¹.

Московский окружной комиссар Ярославский сообщал в СНК в декабре 1918 г., что проведение декрета встречает особенно упорное сопротивление в деревне: «целый ряд иногда кровавых столкновений происходит на почве того, что население противится выносу икон и предметов культа из школ». Местные советы, писал комиссар, «часто совсем не считаются с волей подавляющего большинства, а иногда и с единогласной волей», в результате разворачивается агитация против советской власти с лозунгом «она во всем согласна с большевиками»³². Интересно отметить, что на местах большевики часто не ассоциировались с советской властью, что, в принципе, было логично, ведь советы могли быть многопартийными или отчасти беспартийными.

Касаясь изъятия икон, комиссар, со слов близкого друга Льва Толстого и редактора его произведений В. Г. Черткова, сообщал, что в деревне процветает своеобразная форма взятки «за то, чтобы не трогать иконы <...> за икону Иисуса Христа берут пять рублей, за Богородицу меньше»³³. В заключение военный комиссар сообщал, что у него есть письма от коммунистов, которые задают один и тот же вопрос: «Есть ли смысл обострять отношения к крестьянской массе по такому вопросу?»³⁴

²⁸ *Ратур-Лафевьер Даниель*. Традиции почитания Богоматери в России глазами американского психоаналитика. М., 2005. С. 42. «Наделение икон столь развитыми “личностными” качествами заставляет думать, что они заняли нишу языческих идолов в структуре верований человека...» (*Долгов В. В.* Быт и нравы древней Руси. Миров повседневности XI–XIII вв. СПб., 2017. С. 444).

²⁹ «В Скорбящем монастыре при снятии ризы с иконы спасителя старушка от верующих причитала: неужели, Спаситель, допустит снятие одежды своей» (Сводка московской губернской комиссии о ходе работ по изъятию церковных ценностей в Краснопресненском районе г. Москвы за 1 апреля 1922 г. // Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. М., 2006. С. 42).

³⁰ *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2007. С. 131.

³¹ *Извозик В. С.* Глаза и уши режима. (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг.). СПб., 1995. С. 68. Очевидно, комиссар Раков был или сильно пьян, или находился в острой форме душевного помешательства. Эта простреленная икона сохранилась до наших дней.

³² ГА РФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 696. Л. 216.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 216 об.

Как реагировали на это центральные власти? Восьмой отдел Комиссариата юстиции, занимавшийся вопросами отделения Церкви от государства, издал особый циркуляр, где разъяснялось, что при «изъятии икон из общественных мест никоим образом не следует делать из этого антирелигиозные демонстрации <...> вовсе не требуется, чтобы удаления эти производились в часы занятий в данном учреждении и в присутствии публики, ибо подобное демонстративное удаление икон <...> а тем более, как имело кое-где место, сопровождаемое совершенно ненужными выпадами против того или иного культа, создает лишь ложное представление в глазах населения о способах борьбы Советской власти с народными предрассудками»³⁵.

Комиссару Ярославскому отвечали, что «недовольство актом порождает не столько фактом удаления икон, сколько употребляемым при этом способом, часто выливающимся в некультурную и даже грубую форму»³⁶. В свою очередь, когда рабочие Перовских мастерских в Москве обратились к властям с разрешением оставить иконы на местах, такое разрешения было дано. Возможно, сыграло роль то обстоятельство, что нарком путей сообщений Л. Б. Красин писал в Наркомат юстиции: «принимая во внимание условия политического момента и настроение рабочих <...> я считал бы в настоящее время полезным признать ходатайства рабочих подлежащим удовлетворению»³⁷.

В этом смысле показательно письмо во ВЦИК служащих Никольской конторы фабрик Морозовых в Орехове-Зуеве, написанное летом 1920 г.:

Мы, служащие Никольской конторы, в числе около 300 человек, подчиняемся всем декретам и распоряжениям Советской власти, но снятием святых икон в конторе все, как один человек, глубоко огорчены. Иконы в конторе находятся почти целое столетие, нарушать священные заветы наших предков для нас положительно нежелательно и глубоко прискорбно. <...> Подчиняясь власти и не желая создавать неприятности, к прискорбию нашему иконы были сняты. Просим Всероссийский исполнительный Комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов дело это разобрать и разрешить иметь в конторе св. иконы и снятые поставить на свои места»³⁸.

Служащие и рабочие, подписавшиеся под письмом, позиционируют себя сторонниками советской власти и мягко просят не нарушать «заветы предков». Это было характерно и до революции, когда икону, часто в народе почитаемую за чудотворную, отправляли висеть в церковь, это вызывало народный гнев, как нарушение «завета предков»³⁹.

В конце 1922 г. на заседании так называемой «Антирелигиозной комиссии» был поставлен вопрос «об иконоборчестве» (так. — *П.Р.*) и было принято постановление удалить все «религиозные изображения», вывешенные

³⁵ Там же. Оп. 2. Д. 690. Л. 80.

³⁶ Там же. Л. 217.

³⁷ Там же. Оп. 3. Д. 747. Л. 217; Православная Москва в 1917–1921 гг.: Сб. документов и материалов. М., 2004. С. 200.

³⁸ ГА РФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 730. Л. 34–35. Православная Москва... С. 210.

³⁹ Об этом см.: *Шевцова Вера*. Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010. С. 321.

в общественных и публичных местах⁴⁰. Полное удаление икон из всех общественных мест закончилось, видимо, только к концу 1920-х гг. Важно отметить, что даже вскрытие мощей не вызвало таких значительных протестов населения, как изъятие икон; хотя иконы изымались из государственных и общественных заведений, но многие расценивали это как личное оскорбление и поругание особо дорогой святыни. Это объясняется особой ролью иконы в религиозной жизни народа⁴¹.

Во время петровской церковной реформы все попытки регламентации иконопочитания и иконописания «провалились». Изъятие привес, домовых или личных икон из церквей, попытки запрещения резных изображений — все это встречало открытое сопротивление вплоть до избиения лиц, собиравшихся проводить данные акции⁴². В 1711 г. в Петербурге стал распространяться слух, будто из храмов будут убирать иконы, который был связан с действиями настоятеля Александро-Невской лавры Феодосия, приказавшего убрать из храмов «лишние иконы». Удалению подлежали домовые иконы и резные образа. Эти действия настолько взволновали горожан, что Феодосий сделался ненавидимой фигурой «за истребление икон, переходящее предел царских повелений»⁴³.

После указа Петра Великого о снятии так называемых привес⁴⁴ с икон священник вологодского собора Яков Никитин произнес: «кто-де велит оные привесы обирать, тово б у жены серги вынял из ушей, каково б де ему было, да я-де о сем и указов слушать не хочу». Действие против иконы сравнивалось с оскорблением жены. Даже попавший под следствие несчастный Никитин

⁴⁰ Протоколы комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) — ВКП(б) (Антирелигиозная комиссия). 1922–1929. М., 2014. С. 47.

⁴¹ О почитании икон в России, порой принимающем причудливый характер, см.: *Цеханская К. В.* Икона в жизни русского народа. М., 1998; *Она же.* Почитание православных святых в России. М., 2013; *Петренко В. И.* Богословие икон: протестантская точка зрения. СПб., 2000. Атеистический взгляд на иконы: *Емелья Л. И.* Происхождение христианского культа. Л., 1971 (об иконах с. 70–87). Так, богатый дворянин, отправляясь из своего имения в Москву, вез впереди икону в золотой карете «в сопровождении крестового священника». См.: *Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII в.* СПб., 2012. С. 390. Богословская точка зрения на иконы наиболее исчерпывающе представлена: *Натюрковский С. Ц.* Богородица в вероучении и предании Католической Церкви. М., 2016 (иконам посвящена целая глава с. 71–105). Книга написана профессором мариологии и отличается профессионализмом в этом сложном вопросе, в отличие от часто доморощенного «богословствования» современных отечественных авторов.

⁴² *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000. С. 423–435.

⁴³ См. подробнее: *Семенова Л. Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 192–193.

⁴⁴ Это вешание на иконы драгоценностей, колец, серег и т. п. часто в знак исцеления или с просьбой об исцелении. Хотя привесы были запрещены при Петре, они встречаются и в настоящее время. В Византии и на Западе эти «священные приношения» известны с V в. (*Шафр Ф.* История Церкви. Никейское и посленикеевское христианство 311–599 г. по Р. Х. СПб., 2011. С. 380–381).

продолжал: «этот де царь иноземец, все по иноземчески делает»⁴⁵. 200 лет спустя ситуация мало изменилась, считалось, что, конечно, иконы изымают евреи или, по крайней мере, люди, исполняющие распоряжение евреев.

Следует отметить, что такая реакция на снятие и вынос икон была, видимо, именно низовой — в среде верующей интеллигенции она как будто бы была более спокойной. Историк Князев записал в свой дневник:

И пусть выносят иконы. Это оживит, опозэтизирует умирающую религию, особенно каменевшее православие. Заставит многих одуматься, кто и думать забыл о Боге, о непреходящих ценностях⁴⁶.

Конечно, тут налицо не только разное отношение к самой иконе, которую в среде простого народа могли считать богом, но и обычное для интеллигенции той поры убеждение, что любые гонения и акции большевиков только усилят веру. Такие мысли вряд ли разделяли крестьяне и рабочие, для которых эта акция была не только оскорблением Бога, но и глубоким личным унижением. Подливали масло в огонь и многочисленные слухи о чудотворных иконах, которые сами падали на головы большевиков во время произнесения антирелигиозных проповедей⁴⁷.

Именно в 1917 г. родился слух о том, что один матрос на танцах, не имея партнерши, взял икону Богородицы, начал с ней танцевать и окаменел. Впоследствии, уже в советское время, этот рассказ переродился в известную легенду о так называемом «стоянии Зои», о котором снят даже художественный фильм «Чудо». Когда молодая девушка, обидевшись, что ее на танец не пригласил жених, стала танцевать с иконой Николая и окаменела⁴⁸.

А 1 мая 1918 г. случилось реальное «чудо», которое было зафиксировано многими современниками и рассказы о котором широко распространились, попав в прессу⁴⁹. Громадное красное полотнище, закрывавшее поврежденный образ Николая Чудотворца в Московском Кремле, порывами ветра было разорвано и «обнажило как раз то место, где скрывался под красной тканью

⁴⁵ Лавров А. С. Колдовство и религия в России... С. 419.

⁴⁶ Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента // Русское прошлое. СПб., 1994. С. 75.

⁴⁷ Документы той поры переполнены свидетельствами о расстрелах икон и о том, что, входя в храм или в дом священнослужителя, солдаты не снимают шапки. См.: «Начался обыск. Матросы в шапках с папиросами пошли по комнатам. Я просил их снять шапки, потому что в комнатах святые иконы, но они с грубостью, указывая на мой клубок, ответили: “А ты что в шапке”!» (Представление архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана (Симашкевича) Святейшему Патриарху Тихону о событиях в Новочеркасске. Письмо от 21 марта (2 апреля) 1918 г. // «Приспело время подвига...»: Документы... С. 295.

⁴⁸ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Стояние_Зои (дата посещения: 29.01.2020).

⁴⁹ В ранней атеистической литературе встречаются описания чудес, которые позднее воспринимались как антимарксистский бред. См., например: «В жизни церковные “чудеса” все же очень редки, а научные достижения встречаются на каждом шагу» (Сумароков В. Крест и иконы. М., 1926. С. 28).

образ»⁵⁰. В это время шло богослужение в Казанской церкви на Красной площади. Толпы богомольцев стали требовать проведения крестного хода, который и был проведен, и перед иконой был отслужен молебен.

Бывший очевидцем данного происшествия профессор Юрий Владимирович Готье записал в дневник:

Сегодня случилось чудо — Никольские ворота были задрапированы красным, причем завешана была икона, уже разрушенная в октябрьские дни. Вдруг сегодня красная завеса начала распадаться и открыла икону: ткань разлетелась сама собою по волокнам, точно ее облили какой-нибудь кислотой; собралась толпа, гудевшая о чуде, молебен, стрельба в воздух в результате, чтобы разогнать толпу⁵¹.

Даже для скептически настроенного профессора-историка, заносившего в свой дневник и слухи, но не верившего им, данный случай был чудом. Можно представить, какое впечатление это произвело на простого обывателя. При чем удостовериться в нем мог любой москвич, просто придя к Никольским воротам.

Запись в дневнике А. В. Орешникова:

Перед Никольскими воротами огромная толпа народу, что-то говорили о завешенном образе Николая Чудотворца над воротами; я скорее ушел из боязни эксцессов. Позднее узнал, что плакат, которым был завешен образ, ветром или от иных причин сорвало; явилось в глазах народа чудо; служили молебен; когда я собирался уходить, слышен был выстрел, площадь от народа очистили; при выходе из музея (Орешников работал в Историческом музее. — П. Р.) я встретил бронированный автомобиль <...> чем все кончилось не знаю. Опасно шутить с религией!⁵²

Еще больший скептик, чем Готье, Орешников ни в чудотворные иконы, ни в нетленные мощи не верил, что не мешало ему исправно посещать церковь и быть ревностным православным⁵³. Тогда же икону Николы

⁵⁰ Из сообщения о природном очищении святынь Кремля от революционных плакатов // Православная Москва... С. 422.

⁵¹ Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 137. В дневнике запись от 19 апреля (2 мая). Фактически аналогичная запись и в дневнике Окунева: «Первого мая к вечеру огромное красное полотнище, закрывающие изъяны, причиненные Никольским воротам во время Октябрьского переворота, когда была разбита икона Николая Чудотворца, порывом ветра было разорвано, и таким образом обнаружилось как раз то место, где скрывался под красной тканью образ. На другой день собралась к воротам огромная толпа людей, видевшая в этом чуде». (Окунев Н. П. Дневник москвича, 1917–1920. М., 1997. Т. 1. С. 175).

⁵² Орешников А. В. Дневник. М., 2010. Т. 1. С. 156. Запись от 19 апреля (2 мая) 1918 г.

⁵³ Обращает на себя внимание, что Орешников пишет «в глазах народа чудо». Это не мешает ему интересоваться событиями на Красной площади. О чуде с иконой в дневнике он пишет 4 раза. Отчасти он объясняет это чудо естественными факторами. «На Красной площади ветром сорвало большую часть большевизских тряпок с кремлевских стен; перед Никольскими воротами толпа не уменьшилась, большевики время от времени стреляют в воздух (каналы, хотят испугать толпу, которая, разбежавшись, опять собирается)». — Там же. С. 157. Запись от 24 апреля (7 мая) 1918 года.

сфотографировали, и фото спустя некоторое время отправили Колчаку. Ровно через год в мае 1919 г. в Омске состоялся многолюдный крестный ход с фотографией иконы⁵⁴.

Как это ни покажется странным, но никакие действия большевиков по отношению к Православию не имели такой негативной реакции среди населения, как их политика по отношению к иконам. И большевики отступали. Хотя иногда, особенно в провинции, отношение к иконам принимало, казалось бы, невероятный характер, особенно когда страна разделилась на красных и белых. Дело доходило до того, что противники, захватив какое-либо место, сжигали или расстреливали иконы своих врагов. Интересно, что так поступали и белые, и красные, и зеленые⁵⁵. Важно отметить, что эта известная средневековая практика уничтожения чужих богов возродилась во время Гражданской войны⁵⁶. Грабежом церквей занимались не только красные или просто бандиты под

⁵⁴ Сизов С. Г. Белая столица России: Повседневная жизнь Омска (июнь 1918 — ноябрь 1919). Омск, 2018. С. 172.

⁵⁵ «Сторож Ильинской церкви при приближении красных вынес из церковного подвала все самые древние семейные иконы водоозеров, сложил их в кучу и сжег их. Окончание конфликта, с точки зрения водоозеров, было достигнуто тоже лишь после того, как победители (красные) вынесли из домов проигравших (белых) семейные иконы и расстреляли их» (Логинов К. К. Традиционный цикл русских Водоозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск, 2010. С. 292). Интересно отметить, что так называемые семейные или личные иконы выносили из храмов в случае отлучения человека от Церкви в XVII в. См.: Цеханская К. В. Икона... С. 40. Хотя молиться только на «свои» иконы в церкви было запрещено еще в XVII в. Отказ от поклонения «чужой» иконе мог рассматриваться как «преступление». См.: Смелянская И. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С. 217. Так, в Киево-Печерской лавре личные иконы вместе с одеждой умершего монаха хранились на складе. См.: Никодимов И. Н., проф. Воспоминания о Киево-Печерской лавре. Киев, 1999. С. 93. Расстрел икон современная исследовательница относит к 1930-м гг., но очевидно, что иконы приговаривали к смерти и расстреливали во время Гражданской войны (Херрин Дж. Византия. Удивительная жизнь средневековой империи. М., 2018. С. 133). Впоследствии иконы могли служить мишенью для стрельбы красноармейцев на полигоне или как материал для ящиков. См.: Мериддейл Кэтрин. Каменная ночь. Смерть и память в России XX в. М., 2019. С. 176.

⁵⁶ Так расправлялись с чужими святынями и во время религиозных войн эпохи Реформации. См.: Земон-Девис Н. Обряды насилия // История и антропология. Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI вв. СПб., 2006. С. 111–162. Об иноборчестве в Древней Церкви см.: Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. М., 1994. Т. IV. С. 506–583; Карташев А. В. Вселенские Соборы. М., 1994. С. 493. Лучше всего на русском языке «философия» иконоборчества представлена: Мелиоранский Б. М. История и вероучение христианской церкви. М., 2016. С. 362–387. Тут нельзя не отметить особую роль женщин, как противников иконоборчества, так и его сторонников. См.: Деламо Жан. Ужасы на Западе. М., 1994. С. 154–160. Интересна статья: Маршал Г. Вехи средневекового иконоборчества // Анналы на рубеже веков: Антология. М., 2002. С. 105–129; Майзулис М. Р. «Если ты бог — защищайся»: Католические модели протестантского иконоборчества // Одиссей. Человек в истории. 2015–2016. М., 2017. С. 281–348.

именем большевиков, но и части белых⁵⁷. Следует отметить, что пропагандистская машина с обеих сторон работала исправно⁵⁸.

Безусловно, вынос икон ассоциировался с новой властью, тем более это было законодательно оформлено. Когда красные оставили Ставрополь, новые власти вывесили распоряжение:

Объявляю населению, чтобы немедленно приступить к восстановлению икон во все учреждения, так как религия православных крестьян не может быть без помощи всевышнего Бога идти вперед...⁵⁹

На Юге России проведение декрета началось только по окончании Гражданской войны в 1921 г. Причем, если судить по документам, новые власти учитывали повышенную религиозность региона. Так, даже через несколько лет проведение декрета, как тогда говорили, в жизнь наталкивалось на активное сопротивление верующих. Вот что по поводу икон говорил один член партии:

Да и я сам ни во что не верю, но вот у меня семья и я с нею ничего не поделаю, я хотел было иконы выбросить, а отец говорит, я тогда тебя выброшу⁶⁰.

В губернии запрещено было говорить об «обновление икон»⁶¹, это приравнивалось к контрреволюции⁶². И впоследствии религиозная ситуация на Юге России отличалась от центральной части страны. Сложно представить, но и в 1950 г. у секретаря местной парторганизации дома висели иконы, а председатель колхоза исполнял религиозные обряды⁶³.

Через год после принятия декрета в Комиссариат юстиции поступил доклад из Орловской губернии за подписью заведующего информационно-инструкторским отделом Дмитрия Кладова. В нем сообщалось:

⁵⁷ Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. М., 1992. С. 355. Видимо, особенно тут «отличались» казаки. С икон обдирали серебряные ризы-оклады и считали это своей добычей.

⁵⁸ Священник Свенцицкий, оказавшийся на белой территории, пишет, что большевики в икону Спасителя вставляли папиросы и прикуривали. См.: Русская Православная церковь и белое движения М., 2008. С. 180.

⁵⁹ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922: Документы и материалы. М., 2002. С. 109.

⁶⁰ Из очерка С. Н. Манюкова «Жизнь деревни УМО» о религиозных предрассудках среди коммунистов // Религиозные организации нижней Волги и Дона в XX в.: Сб. документов. Волгоград, 1998. С. 56–57.

⁶¹ В глазах православного населения чудо, когда икона начинает сама по себе блестеть красками, как будто только написана.

⁶² Религиозные организации... С. 57. Петр Великий запретил ложные чудеса. Сержант Преображенского полка Тулубьев был арестован за то, что говорил, что получил исцеление от иконы Тихвинской Богоматери. Однако когда в полковом архиве было обнаружено дело о болезни Тулубьева, Петр лично постановил дело прекратить. Чудо было подтверждено документально (*Лавров А. С.* Колдовство и религия в России... С. 273). Таким образом, политика большевиков в этом вопросе была противоположна политике Петра, который требовал подтверждения чуда.

⁶³ Из справки о состоянии научно атеистической пропаганды в Хоперском районе Сталинградской области // Религиозные организации... С. 154.

Со времени опубликования декрета... прошло довольно много времени, но провести его в жизнь не только полностью, но и относительно не удалось <...>. Слишком глубоко пустили корни религиозного суеверия в души темных масс <...> идеи религиозного культа настолько сильны и пользуются особой популярностью, что мероприятия бессильны бороться с темнотой. Образ мыслей как городского, так и сельского населения в отношении религиозных обрядов остался прежним, даже более — приходится наблюдать со стороны многих граждан особый аскетизм⁶⁴.

Этот текст, написанный правоверным большевиком, можно рассматривать как своеобразный итог действия декрета и сопутствующих ему инструкций через год после его издания. Публицист В. А. Десницкий из горьковской «Новой жизни», написавший весной 1918 г. статью «Отбой», оказался прав: общество, даже самое образованное и революционное, не приняло и не поняло данного декрета.

Для интеллигенции он был слишком примитивен, а его проведение на местах напоминало гонения на религию эпохи Французской революции. Для крестьян и большей части рабочих лозунг «грабь награбленное» был понятен. О том, что епископ и местный благочинный — «буржуй», долго объяснять крестьянам не требовалось, но гонения на местные святыни, вынос икон⁶⁵, запрет преподавания «Закона Божьего» встречали повсеместное сопротивление.

То, что писал о «суевериях» инструктор Кладов, было верно, однако из этих якобы «суеверий» и складывалось «народное православие». Новым властям напоминали, что «уважение» к иконам чрезвычайно велико у народа⁶⁶. К. Чуковский писал А. Толстому в 1922 г., что русский народ «ни своих икон, ни своих тараканов никому не отдаст»⁶⁷.

В разгар Гражданской войны в январе 1919 г. был принят еще один циркуляр по вопросу об отделении Церкви от государства. В нем констатировалось, что «не все работники на местах правильно понимают задачи Советской власти»⁶⁸. Пункт пятый касался икон: «при удалении икон из общественных мест никоим образом не следует делать из этого антирелигиозной демонстрации. Вовсе не требуется, чтобы удаление это производилось в часы занятий в данном учреждении и в присутствии публики...»⁶⁹ Кроме того, запрещалось снятие в том числе для «революционных целей» серебряных риз и украшений

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 761. Л. 51.

⁶⁵ В XVIII в. причиной бунта москвичей послужила икона. См.: *Левитт М.* Визуальная доминанта в России XVIII в. М., 2015. Глава «Икона, положившая начало бунту». С. 357–407.

⁶⁶ В Средневековой Руси даже переворачивание икон могло рассматриваться как ересь. См.: *Петрухин В. Я.* Русь христианская и языческая: Историко-археологические очерки. СПб., 2019. С. 390.

⁶⁷ Цит. по: *Варламов А. Н.* Алексей Толстой. М., 2008. С. 267.

⁶⁸ Отделение церкви от государства: Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела НКЮста РСФСР / сост. П. В. Гидулянов. М., 1923. С. 371.

⁶⁹ Там же. С. 372.

с икон, а также привлечение служителей культа к трудовой повинности. Данный циркуляр был срочно разослан по церквям⁷⁰.

Новые власти временно отступили от исполнения декрета по некоторым пунктам, но только в период войны. Когда после окончательной победы в Гражданской войне большевики начали действительную атеистическую кампанию, молодежь была к ней готова, и не попавшие в музей иконы запылали по всей стране⁷¹. Большевики не придумали ничего нового, в крестьянской среде было распространено ситуативное «иконоборчество»⁷².

А на месте гибели Валентина Несмелова уже в наше время вместо обветшавшего обелиска установили новый с плохо рифмуемой надписью: «Неважно, кто был виноват, земля погибшим пухом будет. Как символ примиренья пусть сей памятник потомкам служит».

⁷⁰ Имеющийся у меня экземпляр этого циркуляра написан от руки и размножен на ротапринте.

⁷¹ Эмигрант, бывший киевлянин Д. В. Скрынченко помещал в свой дневник и письма своего друга А. В. Стороженко. Тот описывал, очевидно, на основе газет, атеистические действия в Киеве: «В заключении организованного шествия на костре близ Софийского собора должны были сжигать святые иконы, собранные в Киеве и окрестных деревнях. Года два тому назад многие в эмиграции мечтали о том, что крестьянство отстоит Россию». Поместив письма своего друга в дневник, Скрынченко приписал: «Грустно, тоскливо, точно отдаёт погребальным звоном это письмо...» (*Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. М., 2012. С. 207. Запись от 9–10 июля 1931 г.). Интересно, что произведения древнерусской живописи, открытые от записей как раз в период революции, были мировыми шедеврами — это было понятно даже новым властям. В 1930-е гг. пытались как-то соединить иконы и орудия пыток, служившие для показа эксплуататорского строя царской России. Такие выставки были характерны для эпохи. Уже в брежневские времена это факт вызывал резкое отторжение (*Лазарев В. Н.* Предисловие // Корнилович Е. Окно в минувшее. М., 1968. С. 3).

⁷² В крестьянской среде могли отомстить «не помогшей» иконе, например, сжечь икону «Неопалимой купины».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И УЧАСТНИКАХ КОЛЛОКВИУМА

Абросимова Тамара Александровна – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Аксенов Владислав Бэнович – Институт российской истории Российской академии наук, Москва

Александров Кирилл Михайлович – Свято-Филаретовский православно-христианский институт, мемориально-просветительский и историко-культурного центр «Белое Дело», Москва, Санкт-Петербург

Билалутдинов Азат – Колумбийский университет, США

Бимолданова Айгуль Амантаевна – Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Казахстан

Булгакова Людмила Алексеевна – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Булдаков Владимир Прохорович – Институт российской истории Российской академии наук, Москва

Варустина Елена Львовна – Факультет свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета (Смольный институт)

Васильев Павел Андреевич – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики – Санкт-Петербург»

Ведерников Владимир Викторович – Санкт-Петербургский государственный технологический институт

Витухновская-Кауппала Марина – Александровский институт Хельсинкского университета, Финляндия

Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Вуд Элизабет – Массачусетский технологический институт, США

- Голубинов Ярослав Анатольевич* — Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург
- Горный Александр Сергеевич* — Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь
- Дубенцов Борис Борисович* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- Дубровская Елена Юрьевна* — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук, Петрозаводск
- Иванов Дмитрий Игоревич* — Европейский университет в Санкт-Петербурге
- Измолик Владлен Семенович* — Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича
- Ирвин Дакота* — Университет Северной Каролины, США
- Исхаков Салават Мидхатович* — Институт российской истории Российской академии наук, Москва
- Каганович Борис Соломонович* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- Калашиков Владимир Валерьянович* — Санкт-Петербургский государственный университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
- Каплан Вера* — Тель-Авивский университет, Израиль
- Кенворти Скотт* — Университет Майами, США
- Коенкер Дайана* — Университетский колледж Лондона, Великобритания
- Колоницкий Борис Иванович* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге
- Коробейников Александр* — Центрально-Европейский университет в Будапеште и Вене, Венгрия, Австрия
- Котляр Павел Петрович* — Европейский университет в Санкт-Петербурге
- Латин Владимир Викентьевич* — Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- Линь Юэсинь Рэйчел* — Эксетерский университет, Великобритания
- Мажара Петр Юрьевич* — Российский государственный архив военно-морского флота, Санкт-Петербург
- Махмудов Ойбек Анварович* — Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Узбекистан

- Михайлов Николай Васильевич* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- Морозова Ольга Михайловна* — Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону
- Мурав Харриет* — Иллинойсский университет, США
- Наганава Норихиро* — Центр славянских и евразийских исследований Университета Хоккайдо, Япония
- Орловски Дэниель* — Южный Методистский университет, США
- Поршинева Ольга Сергеевна* — Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург
- Посадский Антон Викторович* — Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Саратов
- Рабинович Александр* — Индианский университет, США
- Раджабов Кахрамон Кенджаевич* — Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Узбекистан
- Разиньков Михаил Егорович* — Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова
- Ратьковский Илья Сергеевич* — Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета
- Резник Александр Валерьевич* — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики — Санкт-Петербург»
- Ретшиш Аарон Б.* — Университет Уэйна, США
- Рогозный Павел Геннадьевич* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- Розенберг Уильям Г.* — Мичиганский университет, США
- Рупасов Александр Иванович* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- Смирнов Николай Николаевич* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
- Солдатенко Валерий Федорович* — Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса Национальной академии наук Украины, Украина
- Стейнберг Марк* — Иллинойсский университет, США

Суэйн Джеффри — Университет Глазго, Великобритания

Тарасов Константин Андреевич — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербургский государственный университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики — Санкт-Петербург»

Ульянова Светлана Борисовна — Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого

Фицпатрик Шейла — Сиднейский университет, Австралия

Фрейм Мюррей — Университет Данди, Великобритания

Харшман Дирдре Рушитти — Университет Кристофера Ньюпорта, США

Ходяков Михаил Викторович — Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

Цветков Василий Жанович — Московский педагогический государственный университет

Черняев Владимир Юрьевич — Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Москва

Чистиков Александр Николаевич — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Шишкин Владимир Иванович — Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Юзефович Леонид Абрамович — писатель, Санкт-Петербург

Научное издание

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ:
ЖИЗНЬ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ
ЭКСПЕРИМЕНТОВ И ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ
1917–1922

Сборник докладов международного коллоквиума

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *О. Д. Курта*

Подписано в печать 03.06.2020. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 53. Тираж 300 экз. Заказ № 1972

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86